МАИ 1928 Г. № 21 ШЕСТОЙ ГОД ИЗДАНИЯ ЦЕНА 15 КОП.

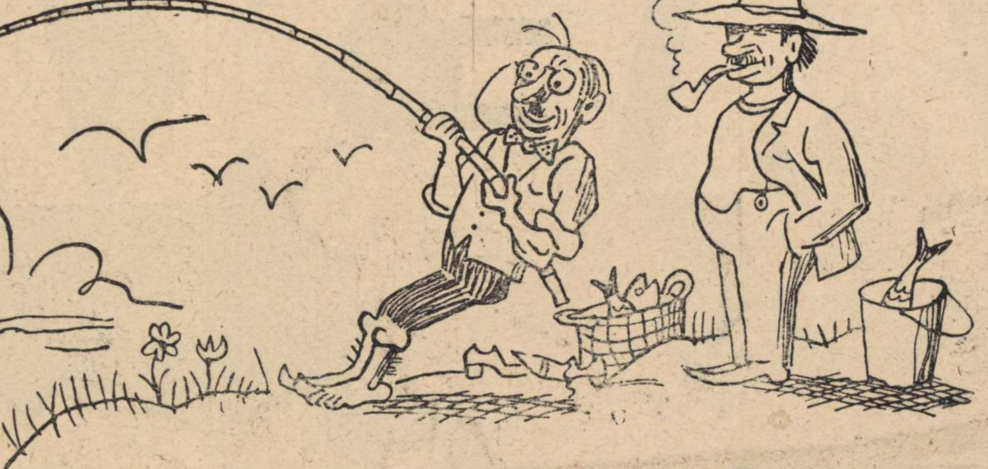
Рис. К. Ротова

НА ПРИСТАНИ В ПРАЗДНИК

— Граждане экскурсанты! Оставьте лодочнику свои трудкнижки, потому вечером придет репортер из газеты и спросит, кто утонул за день.

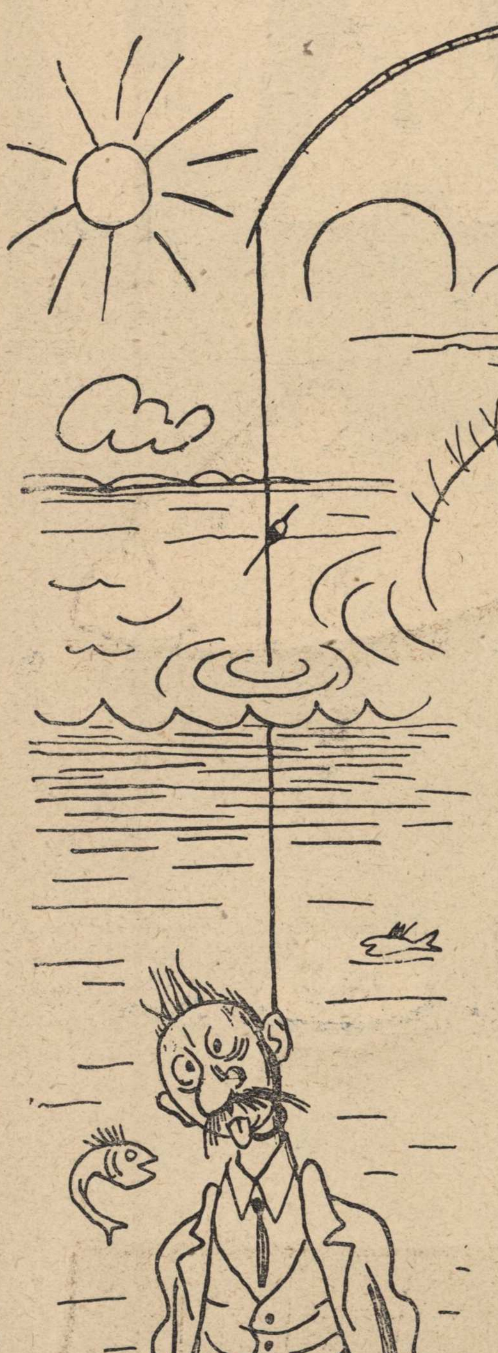
ХОРОШАЯ НАЖИВКА

Рис. Б. Малаховского

НА СЕЛЕДКЕ РЫБТРЕСТЫ ЗАРАБАТЫВАЮТ РУБЛЬ НА РУБЛЬ.

Из газет.

— Тяжелую рыбу вытащил рыбтрест. Как бы леска не оборвалась!

ВОСКРЕСЕНИЕ

Мышиного запаха
затхлая примесь
Вливается в сладкий
весны аромат...
Но кухня сияет,
Кастрюля и примус,
И толстой соседки
цветистый халат.

Склонилась толстуха
Над синей кастрюлей,
Воскресный готовится
Праздничный пир...
Мадам, вы прекрасны:
прическа — дулей,
Куриный желтеет
под дулею жир.

На кухне их четверо —
разных соседей.
Ну да! Воскресение! Праздник
И вот
С утра расцветает
Мечта об обеде —
Ушастым салатом
В корзинках цветет!

Василий Михалыч
скребет подбородок.
Глаза в потолок.
Производит расчет.
— А как с винигретом?
А хватит селедок?
А жаль, что забыли...
А надо бы шпрот...

И девственно все:
и мечты, и бутылки —
И скатерти блеск
электрически-свеж...
Индейка румяна.
А ну-ка поджилки
Индейке,
Хозяйка,
Спокойно подрежь!

Прелестная кожица,
Хрупкие кости...
Готово! Готово!
Обедать пора!
И движутся где-то
по улицам гости,
Идут, надвигаются...
— Здравствуйте! Здра...

Идут... И пылают
их щеки пожаром,
И слюни во ртах
закипают... Идут,
Идут по мостам,
По цветущим бульварам —
И птицы поют,
и желудки поют...

Идут... Улыбаются самодовольно,
Идут в одиночку,
И целой семьей —
Не видят, как мяч
пролетает футбольный,
Высокой, свистящей,
волшебной дугой!

Не видят, как лодки
скользят под мостами,
Как флаги трепещут,
Как весла блестят,
Какой пестротою,
какими цветами
Сияет спортсменов
веселый парад!

— Да вы посмотрели бы...
— Бросьте! Ах, бросьте...
— Мечтой погнались бы
за этим пловцом...
— Нам некогда, право.
Мы гости! Мы гости!
Мы в гости,
Мы в гости
Обедать идем!

И вот уж по лестнице всходят...
„Четыре
Коротких звонка"
Позвонили. Ура!
Хозяин ликует,
мечась по квартире:
— А, здравствуйте!
— Здравствуйте!
— Здравствуйте!
— Здра...

Приподняты аркой
у каждого брови,
И каждому радостным
кажется мир...
Но — скорая помощь
уже на готове!
Но — дракой, наверно,
окончится пир!

Зубило

В ВАРШАВСКОМ ЗАСТЕНКЕ

— Уверяю вас, — Войцеховский стрелял в советского полпреда под влиянием алкоголя.

— Алкоголя? В первый раз слышу такую английскую фамилию...

ДЕЛО ОБСТОЯЛО ТАК:

Приблизительно, — если нас не обманывает догадливость, дело обстояло так. В уютной варшавской квартире горел мягкий голубоватый свет, пан полковник полулежа на диване чистил замшевой щеточкой полированные ногти и изредка пригубливая из узкой рюмочки бенедиктин, говорил убеждающим, симпатичным баритоном:

— Прошу запомнить пана Войцеховского: пан есть идиот.

Сидя на краешке стула и почтительно откашливаясь в желтую с черными полосками перчатку, его собеседник внимательно выслушивал инструкции.

— Так точно. Все мы идиоты, когда этого требует обстоятельства.

— Но пан есть и алкоголик, — предупредил полковник, закуривая папиросу, — Бардзовельский алкоголик!

— Это мы можем, — радостно отозвался Войцеховский, — алкоголики тоже люди. Прямо скажу — очень даже симпатичные.

— Но, — и полковник слегка приподнял палец, — пан есть и сумасшедший...

— На всякий случай? — осторожно осведомился Войцеховский, — или так сразу, так сказать, оптом: идиот, сумасшедший и алкоголик?

— Оптом, — кивнул головой полковник, — за границей любят оптовые дела.

— Ах, да, да, — заерзал Войцеховский на стуле, — ну, конечно, нет... И в Польшу я прибыл уже после покушения... Сначала выстрелил, потом прибыл...

— Так, так... А почему вы стреляли?

— Почему стрелял? В кого? Ах, да, я еще буду стрелять — я уже забыл... Почему? Иду дескать по улице, вытащил пистолет, а вдруг ни с того ни с сего советский автомобиль...

— Пан Войцеховский, кто вы?

— Идиот, дегенерат, сумасшедший, алкоголик и компания!

— Не все сразу: вы — не один стрелять будете! Что вы вспомнили, когда увидели советский автомобиль?

— Что вспомнил? Шоферу одному не уплатил я тринадцать злотых...

— Не будьте идиотом вне службы — за сверхурочные часы мы не платим. Вы вспомнили, как ваша любимая бабушка пала от руки кровавых большевиков...

— Бабушка? Пала? Куда там... Со мной живет, здесь... и такая сволочная старушонка — житья не дает...

— Войцеховский, это не важно для события. Сначала она пала, а потом приехала. Поняли?

* * *

Через два дня газеты известили о том, что Войцеховский стрелял в торгпреда Лизарева.

— Алкоголик Войцеховский, — писала наиболее популярная газета „Пшепрашем“, — стрелял в советского торгпреда. Пора правительству бороться с алкоголизмом! Алкоголь — вот что мешает нашей правильной жизни!

— Идиот Войцеховский, — откликнулось бойкое „Полгроша“, — стрелял в советский автомобиль. Оказывается, что Войцеховский русский эмигрант и семь лет жил в Польше без паспорта. Зачем же идиоты у нас живут без паспорта, а не идиоты, которые умеют стрелять и не подведут, живут с паспортами? Обучение молодых людей стрельбе — вот очередная задача государства!

* * *

Еще через несколько дней в той же уютной варшавской квартире хозяин ее уже не чистил ногти, а сам сидел почтительно на краешке стула, а на диване развалился симпатичный, гладко выбритый мужчина с иностранным акцентом.

— Ну? — улыбаясь, посмотрел он на хозяина.

— Сидит, — почтительно подмигнул хозяин, — сидит в строгой изоляции. Никто, кроме сообщников, в камеру не впускается. Об'явил голодовку — требует икры и водки. Шесть газет об'явили сбор пожертвований.

— Показания снимали?

— Снимали. Путался. Все перезабыл, чему его учили. Забыл, что он алкоголик и паспорта не имеет, и ляпнул: я, говорит, утопленник и живу безвыездно.

— Ну и как же?

— Пришлось без него показание снимать. Следователь заперся в кабинете и сделал. Я ему еще до стрельбы копию послал.

Гость зевнул. Посмотрел на часы и спросил:

— Следующий подготовлен?

— Помилуйте-с — две недели уже в сумасшедших ходит. Только револьвера, мерзавец, боится — нельзя ли, говорит, чтобы другой стрелял, а я как сумасшедший около него прыгать буду.

— Торопитесь, голубчик, время не терпит...

Наступила пауза. Опускались сумерки. На улицах газетчики кричали, продавая экстренные выпуски:

— „Войцеховский — жертва панской болезни! Невменяемость или рассеянность? Кто заплатит Польше за убытки? Суд или денежная награда?“

Оба собеседника переглянулись, и приятная улыбка застыла на их устах.

Л. Братский

ИЗВИНИТЕ!..

НАЧАЛЬСТВО (Смехачу): — **Да, но вы занимались самокритикой еще задолго до того, как была об'явлена кампания по самокритике!.. Как же с вами быть?!**

„ИЗОБРЕТАТЕЛЬ“

Вчера сам пред попал в газету.
И вот затерлася буза: на трест надвинулась гроза. Забегал пред по кабинету. Звонки. Курьеры. Телефон. Секретари быстрее ветра. Опровержение в 3 метра. Приказ суровый, как закон:

„Рабкор быть должен сокращен!“

В момент снаряжена погоня. Но как схватить за кончик нить?.. А пред рычит, страдает, стонет:

— Найти! Уволить!! Сократить!!!

На утро — новая заметка. Рабкор начальственный приказ поддел язвительно и едко. А под заметкой подпись — „АЗ“.

Пред на диване, словно филин, сидел до самого утра. А утром в тресте сократили всех по фамилии на А.

Зараза вырвана! Ура! Никто не разгласит секрета! Но вот однажды — вновь с утра — опять рабкор! Опять газета! Насчет ковров, насчет портьер. И дорогих командировок. И прочих предовских уловок. А подпись значилась — „Курьер“.

Пред зарычал подбитым зверем. И за курьерами навек (их было 8 человек) закрылись трестовские двери.

Ну, уничтожен с корнем вред! Что значит мудрое решенье!

Но вот... заметка! В воскресенье. А под заметкой подпись — „Пред“.

Смолк пред, сраженный поневоле: что ж, самого себя уволить?!

Ба! Мысль! К редакции — пикет: швейцара, сторожа, монтера — для описания примет неуловимого рабкора. Ждать до победного конца! Запомнить личность молодца! Где состоит? В каком отделе?

Пикет дежурил три недели. Глядит — знакомое лицо — в редакционное крыльцо!

Конец! В расставленные сети хитро поймали осетра. Восторг! Победа! Гип-ура! Пред торжествует в кабинете, оскалив пасть, как крокодил...

И вдруг — какое пораженье! — то не рабкор опознан был, а лишь... курьер, что относил в редакцию опроверженье!..

Рабкор по прежнему писал. Кто знает, чья-б была победа? Но вот истории финал; за эти штучки сняли преда!

А. Стоврацкий

НЕПОРЯДКИ

Жена: — У тебя на заводе есть непорядки?

Зав: — А вот сейчас посмотрим, дай-ка сегодняшнюю газету!..

И ВЫШЕЛ СЕЯТЕЛЬ СЕЯТЬ...

Эка новость, подумаешь! Два раза в году выходит сеятель сеять,—так что же это за сенсация, скажите на милость?

Но вы не волнуйтесь. Не о том, что вышел сеятель сеять, речь идет, а о том, как он вышел сеять?

Разрешите по этому поводу рассказать несколько анекдотов.

АМБИЦИЯ

Была в Одессе окружная колхозсекция, которая для нынешней посевной кампании ничего не сделала. Взял одесский прокурор и предал колхозсекцию за это суду. А колхозсекция в амбицию ударилась:

— Помилуйте, за что же! Ведь мы ничего не делали...

— Вот за это самое,— ответил колхозсекции прокурор.

ЭЙ, МАШИНУШКА, УХНЕМ!

Поется эта песня так:

„Наладим, да смажем, да пустим“...

А на самом деле ничего подобного. Вот заказали, например, многие крестьяне Коминтерновского района, одесского округа, осенью прошлого года машины, а нынче весной не торопились получать их.

Так что же вы думаете коминтерновские власти сделали?

Принудили крестьян получить заказанные машины самым простым способом: не спрашивая крестьян, завозили к ним на двор машины и оставляли их здесь...

Дело тут как будто пахнет уже не „машинушкой“, а „дубинушкой“.

„БОЕВАЯ“ РЕЧЬ

Приехал председатель Коминтерновского райисполкома тов. Колодко в село Волково, созвал сход и произнес речь о задачах весенней посевной кампании. „Боевую“ речь.

— Откуда вы знаете, — сказал предрика,— что будете сеять? Может быть, вам придется весной окопы рыть...

И уехал предрика домой.

А крестьяне спрашивали друг друга:

— Чи сеять будем, чи окопы копать?

ДОКЛАД ПО ДОКЛАДАМ

— Я бы хотел познакомиться с результатами обследования подготовки к весенней посевной кампании, произведенного РКИ,— сказал я товарищу херсонской РКИ.

Товарищ подал мне папку с докладом РКИ по интересующему меня вопросу.

— А как вы производили обследование? — спрашиваю.

— Вот в этой папке лежат все доклады окружных организаций. По этим докладам мы и составили доклад.

— А на места не выезжали?

— Завтра думаю выехать.

Происходил этот разговор в тот момент, когда сеятель вышел сеять...

* * *

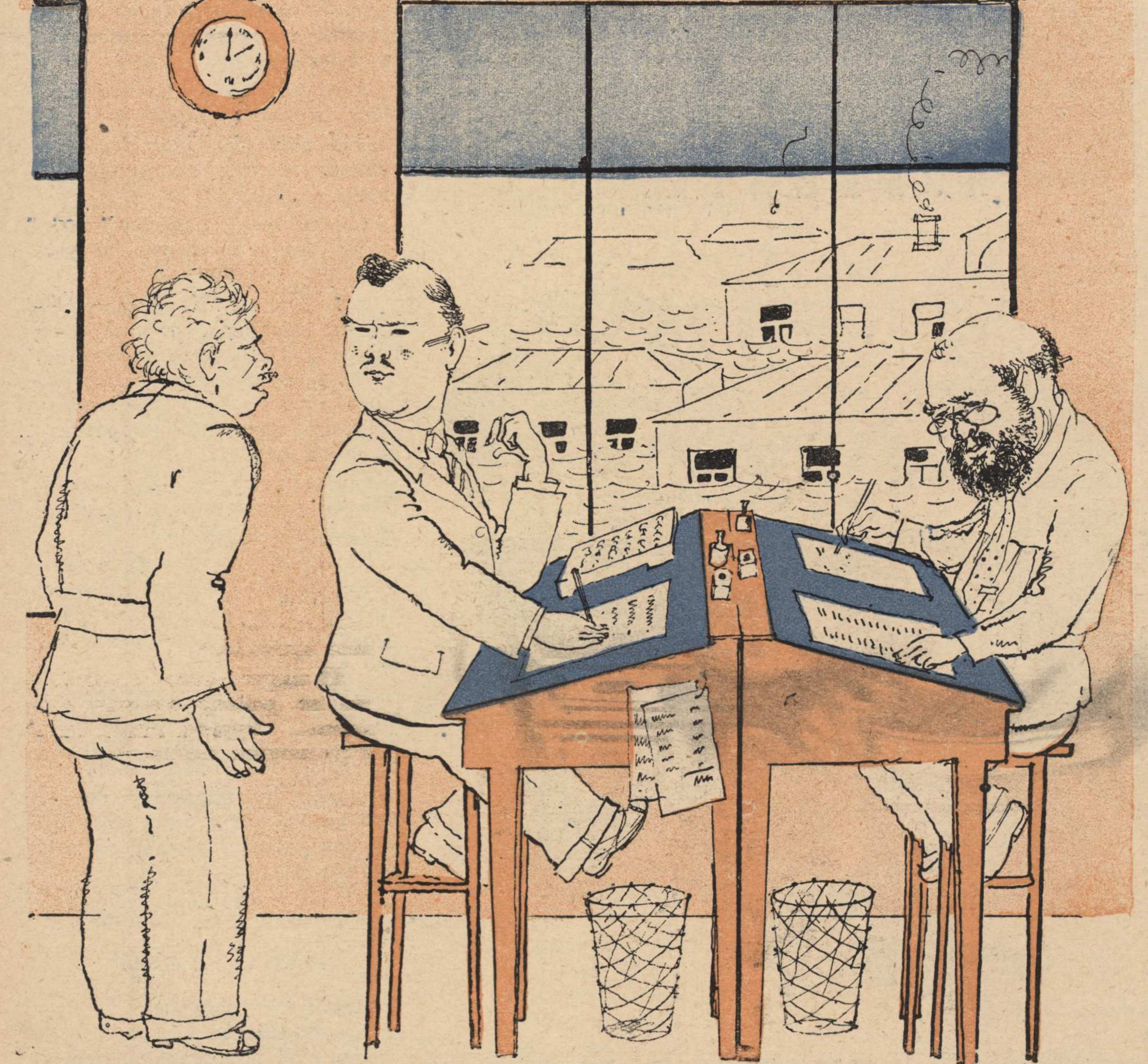
И вышел сеятель сеять... А бюрократы и головотяпы самодовольно заявили:

— Мы пахали...

Гр. Львович

Рис. Н. Денисовского

— Товарищи! Кругом — невероятная прибыль воды!
— Чего же вы орете? Ведь это еще первая прибыль на нашем предприятии!

СОЛНЦЕ

Бытовое

На углу оживленной улицы, около рынка, постоянно сидел нищий Порфирыч.

— Сколько ваша милость...— жалобно просил он, встречая вас взглядом. Шапка-копилка лежала около его ног. Домашние хозяйки, что ходили с рынка по этой стороне, всегда подавали Порфирычу, а чухонки молочницы оставляли даже на его попечение огромные бидоны, перевязанные полотенцами.

Нынче, проходя мимо угла, я не увидел Порфирыча.

— Заболел видно,— решил я.

Но инвалид папиросник мотнул головой и сказал мне:

— Перебрался наш Порфирыч вон на ту сторону.

Из любопытства я перешел улицу и подошел к Порфирычу. Нищий сидел на новом, залитом солнцем, углу. Его седая голова была высоко поднята навстречу солнцу.

— Чего, Порфирыч, перебрался? Иль квартальный гонит?

— Ну, да, меня погонишь, пожалуй, — сказал он — я сам погоню.

— Благодарю покорно...— он поклонился прохожему, бросившему в шапку бронзовку, и продолжал:

— Из за солнца я перешел сюда. На месяц. Та сторона не солнечная, сидишь, как в погребе, а за зиму чисто весь иззябся... На нашего брата соцстрахов то не напасли еще, чтоб в Крым отправлять, вот и прогреваюсь самосильно на будущие времена. Загореть хочу даже!

Он косо посмотрел на шапку, в которой был накидан самый пустяк, и сказал:

— Конешно, убыточно это. Место это дешевое, не рыночное, но да и то сказать здоровье свое дороже. Хорошо как парит!.. А облака то какие! Чисто заплаты на моей голубой рубахе.

— А вдруг во время твоего отпуска тебя сократят? Кто нибудь на твое место там вон сядет?

Порфирыч почесал накалившийся нос.

— Кто сядет? Я-ж вижу все. Я зараз перейду туда и сгоню. Как можно. Мне все видно.

Я бросил Порфирычу пятак и пошел от него.

* * *

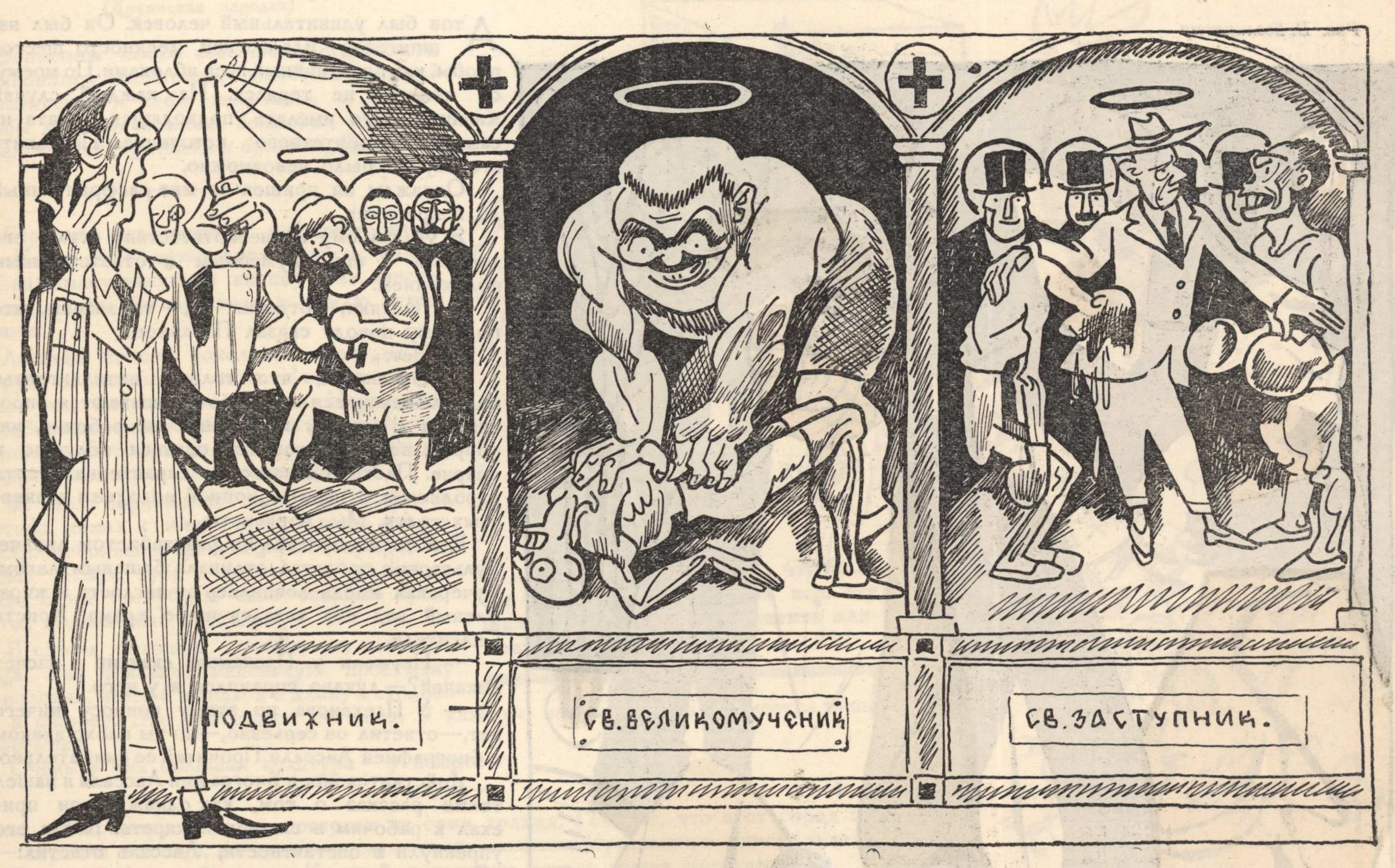
— Счастливец! — думал я. — А я вон уезжаю на месяц в Крым и трясусь. Может, во время моего отсутствия на моем месте уже будет сидеть двоюродный племянник или десятиюродная племянница начальника. И мне ничего, ничего не видно будет с далекого юга.

Вл. Тоболяков

НОВЫЕ СВЯТЫЕ

Рис. А. Радакова

В американских церквах стали рисовать вместо „святых" спортивные сцены.

— Не знаю, кому мне теперь свечку поставить: подвижнику, великомученику или заступнику?

ПЛОХОЙ НЮХ

Личный секретарь нашего председателя вызвал меня к себе в кабинет и сказал:

— Ты читал речь тов. Сталина о самокритике?

— Читал,— ответил я.

— И тов. Бухарина тоже?

Я кивнул головой.

— Так вот я тебе и советую завтра на общем собрании после доклада тов. председателя выступить с самокритикой.

Я посмотрел на секретаря, как на человека, воткнувшего мне нож в горло, и нервно произнес:

— Почему именно я?

— Некому больше,— ответил секретарь.

— Т.-е. как некому?— запротестовал я.— А Дементьев, а Ланьков, а Моисеев, а Гринберг — все-таки они заведующие отделами, им и критиковать. А я кто? Несчастный регистратор. Восьмиразрядник.

— Товарищ,— перебил меня строго секретарь и сказал официально на „вы":— Если я вам советую выступить с самокритикой—значит, у меня есть на это свои соображения...

— Но, ведь, я в жизни никого никогда не критиковал, тем более нашего председателя!— в отчаянии воскликнул я и, посмотрев ласково в глаза секретарю, стал просить его:

— Глеб Иванович, посоветуй другому выступить с самокритикой. Ну, что вам стоит? А я что? Регистраторишка.

— Это нехорошо. Нам нужна низовая самокритика,— не сказал секретарь, а прочел лозунг... И прибавил более спокойно: — Раз я советую—значит, знаю всю обстановку. Ведь, я тебе друг?

Минут пять мы еще с ним торговались и, наконец, он меня уговорил.

На следующий день перед общим собранием я переменил белье, поцеловал детей и сказал на прощание жене:

— Береги себя и ребят.

* * *

После того, как председатель кончил свой доклад, я сейчас же выступил. Я говорил три минуты, но мне казалось, что это три дня. Первая фраза моя была такая: — „Я никогда не критиковал, но раз надо так, я буду критиковать". А последняя фраза, которую особенно громко произнес, была: — „Общими усилиями изживем наши недостатки". Середины я не помню — помню одно, что когда кончил, мне никто не хлопал, а когда сел на свое место, мне Тимофеев сказал с досадой:—„И кто тебя просил вылезать на свою же голову?.." И все сотрудники наши смотрели на меня недружелюбно и демонстративно отворачивали свои морды.

Но когда председатель в своем заключительном слове сказал: —„Очень странно, что было так мало критики по моему докладу. И за исключением Яблокова (это я) никто не критиковал. Хотя, правда, критика его была дурацкая, но, как Бухарин сказал: „И в дурацкой критике есть здоровое зерно!", и надо приветствовать выступление Яблокова"...

Сразу все наши сотрудники стали меня вежливо разглядывать, а сидящий со мной рядом Тимофеев предложил папиросу.

А по окончании собрания многие меня окликали:— „Тимофей Васильевич!" (И откуда они, черти, узнали мое имя и отчество?) и радостно поздравляли. А личный секретарь председателя, когда мы уходили с ним вместе домой, с укором говорил:

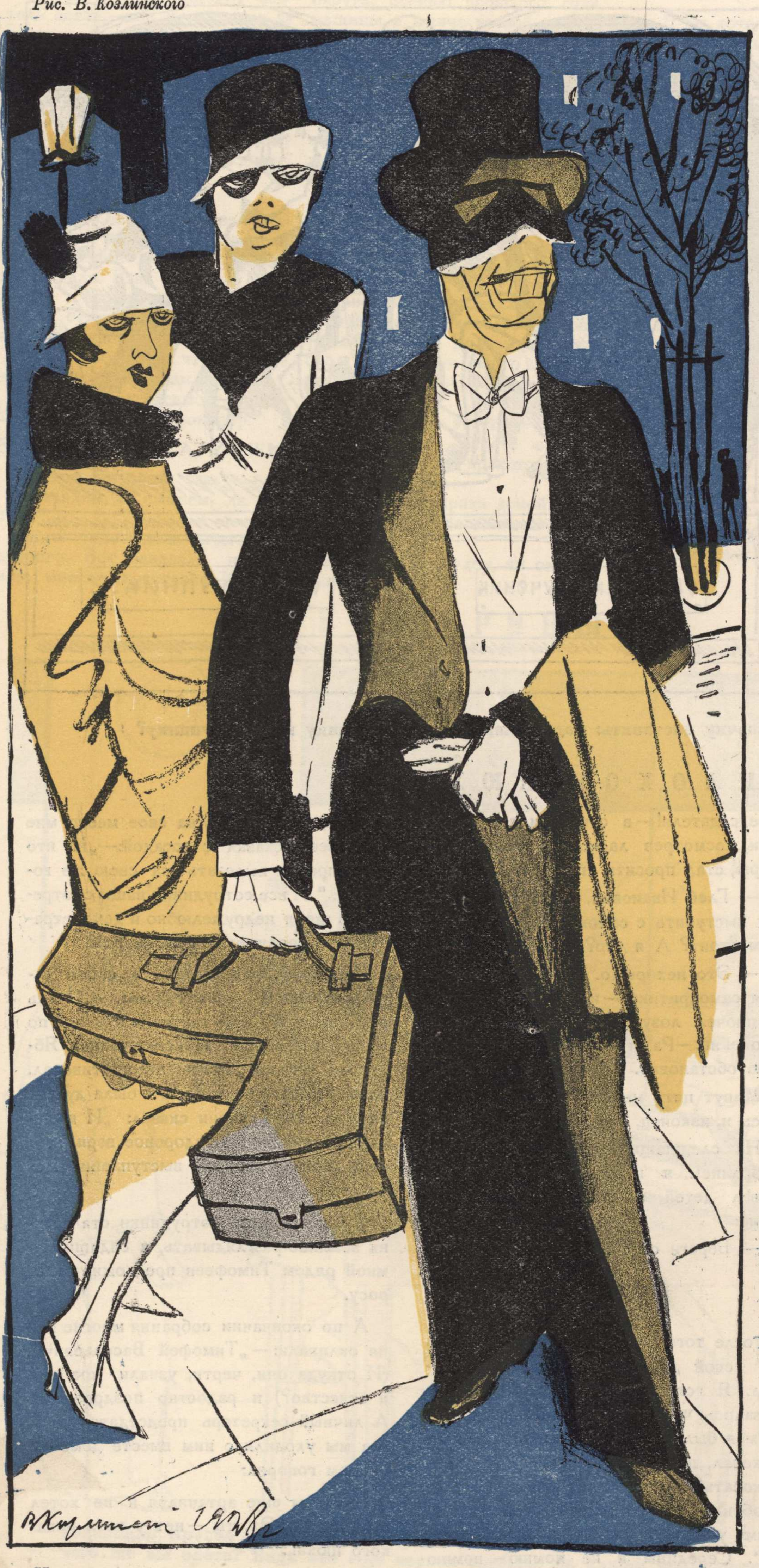
— А ты еще артачился и не хотел выступать... Эх, ты — нет у тебя никакого нюха!..

Б. Левин

„ОБАЯТЕЛЬНЫЙ МУЖЧИНА“

Рис. В. Козлинского

В Польше издан закон, согласно которому гражданский палач должен казнить в цилиндре, фраке и черной шелковой маске.

— Милочка, вы знаете,— из-за такого мужчины так легко потерять голову!..

ПОСЛЕДНЕЕ УТЕШЕНИЕ

Атов был удивительный человек. Он был нашпигован идеологией девяносто шестой пробы, как праздничный гусь яблоками. По моему, он никогда не терялся. На каждый случай жизни у него имелась подходящая цитата из самого авторитетного источника. Поставить его втупик было невозможно.

Однажды он пришел ко мне расфранченный до неприличия.

Я указал ему на несоответствие стиля его костюма с его служебным и ответственным положением.

— Пустяки,— ответил он,— ты знаешь, что по этому поводу сказал Плеханов?

— Нет.

— Он сказал, что только интеллигенты, подделывающиеся под рабочих, пытаются опроститься в одежде, подлинные же рабочие, наоборот, всегда стремятся одеться получше и поярче. Плохо одеваться — характерная черта народников и революционной молодежи девяностых годов. Мы, марксисты...

Как то он приехал на разухабистом лихаче. Вульгарная пролетка отливала бешеным лаком. Кучерская морда лоснилась от наглости и жира. Ватный зад его казался шире храма Христа Спасителя.

— Неужели у Плеханова сказано и насчет лихачей?— лукаво справился я у него.

— У Плеханова по этому вопросу ничего нет,—ответил он серьезно,—но ты плохо знаком с биографией Лассаля. Прочитай ее внимательно.

Действительно, в биографии Лассаля я нашел также рассказ о том, как однажды он приехал к рабочим в шикарной карете. Когда его упрекнули в бестактности, Лассаль ответил:— „Я совсем не считаю нужным опускаться до вашего состояния. Моя цель поднять вас до моего!“

Атов широко жил, много пил, часто менял женщин и, когда ему указывали на недопустимость этого, он неизменно приводил какой нибудь авторитет из маститых революционных деятелей, прямо или косвенно в том или другом месте одобряющих его поведение...

На суде он произнес великолепную речь, всю унизанную блистательными цитатами, как жемчугом.

Все таки он был осужден. Когда его уводили из залы суда, он сказал, пожимая плечами:

— Это можно было, собственно говоря, предвидеть, еще у Лафарга по аналогичному поводу сказано...

Но что такое сказано у Лафарга,—мы так и не узнали, так как дверь за ним закрылась.

С. Карташов

ГОГОЛЕЕДСТВО

Одна популярная турецкая пословица говорит определенно:

— Труднее нитки превратить в кружева, чем цветы—в отбросы.

Повидимому, руководствуясь именно этой турецкой мудростью, режиссер ленинградского театра Дома Печати ставит гоголевского „Ревизора“ так:

Хлестаков бегает в уборную, из которой возвращается, „облегчившись“. Хлестаков сажает к себе на колени слесаршу, поднимает юбки городничихе, уходит в какую-то будочку с дочкой, при чем городничий подсматривает в щелочку и сообщает: „Вот куда пошло!“

В 1-м акте какая-то растрепанная баба приносит ребеночка, он издает „некоторые звуки“, и публике дается понять, что сей ребеночек помарал пеленки.

Об упомянутой слесарше гоголевский городничий говорит, что она сама себя высекла. О режиссере, ставящем так „Ревизора“, этого не скажешь: он скромно дожидается, чтобы его высекла критика...

ЗАРУБЕЖНЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

(Дружеская пародия)

Записаны неким советским туристом, побывавшим заграницей, чтобы на людей посмотреть и себя показать, а также, чтобы купить желтые ботинки, вязаный жилет и дюжину ножей к бритве „Жиллет".

В Берлине все лошади механизированы. Когда надо остановить лошадь, извозчик нажимает какую-то кнопку у ее хвоста, и лошадь как бы врастает в землю всеми ногами.

Лошади нового поколения слов „но" и „тпру" не понимают, т. к. с малых лет с ними уже говорят по немецки. На копыта им набивают такие железные выгнутые штучки с шинами. Это предохраняет их от простуды в сырую погоду и ноги не пачкаются.

Во всех берлинских столовых и даже в частных домах к обеду, кроме ложки, кладут на стол небольшой трезубец. Некоторые даже имеют четыре зуба и похожи на железные вилы. Этим трезубцем едят твердые предметы, подаваемые к обеду.

В самом большом магазине, в магазине Тица, мне показали маленькую простынку из полотна, всего 6 вершков в длину и столько же в ширину. Это простынки для носа. У каждого немца в кармане имеется такая простынка.

Очень у них большая культура — у немцев.

Рим, по примеру Москвы, построен на семи холмах. Говорят, что этот город построила волчица, которая вскормила своим молоком Муссолини и римского папу.

Есть там большой дворец Колизей, в котором теперь живет Ватикан.

В Риме очень пыльно, но мне показали очень интересный способ, как вынуть пыль из пиджака и брюк, а также, как сделать так, чтобы сапоги стали снова блестеть.

У них есть такие штучки, деревянные дощечки, а в них густо втыкана щетина. Этой штучкой чистят платье от пыли в Риме. Для чистки сапог употребляется такая же штучка, только щетина черная, а прежде, чем чистить сапог, надо опустить один конец ее в круглую жестяную коробочку, где имеется черная мазь, известная отчасти и у нас под названием „вакса".

Хотели мне показать картины какого-то Рафаэля, но я не хотел. Не затем ехал за границу, чтобы тратить время на глупости.

В Венеции все дома стоят по колени в воде. И везде на улицах вода. Это очень большое удобство для жильцов.

Можно плевать прямо из окна на улицу, либо что-нибудь другое дело делать. Вода все сейчас уносит в море.

Есть в Венеции много дворцов, в которых живут — кто бы вы подумали? — в этих дворцах очень даже разрушенных живут „доги"! (Итальянцы и французы выговаривают „дож", у них часто „г" выговаривается как „ж", дворцы так и называются: „дворцы догов").

В Париже почти что нет ресторанов, а одни только продолговатые отверстия. Сунешь в отверстие монету, и на тебя сейчас же выедет буттерброд с чем хочешь или какое угодно блюдо.

Полагая, что тут есть обман, я перепробовал все отверстия: в каждое из них опускал монету. Обмана не обнаружилось. С трудом все с'ел и выпил на все сто процентов.

В Париже на улицах большой шум, но драки нет и не ругаются. Если же ругаются, то обязательно на французском языке, чтобы, значит, женщины и дети не понимали.

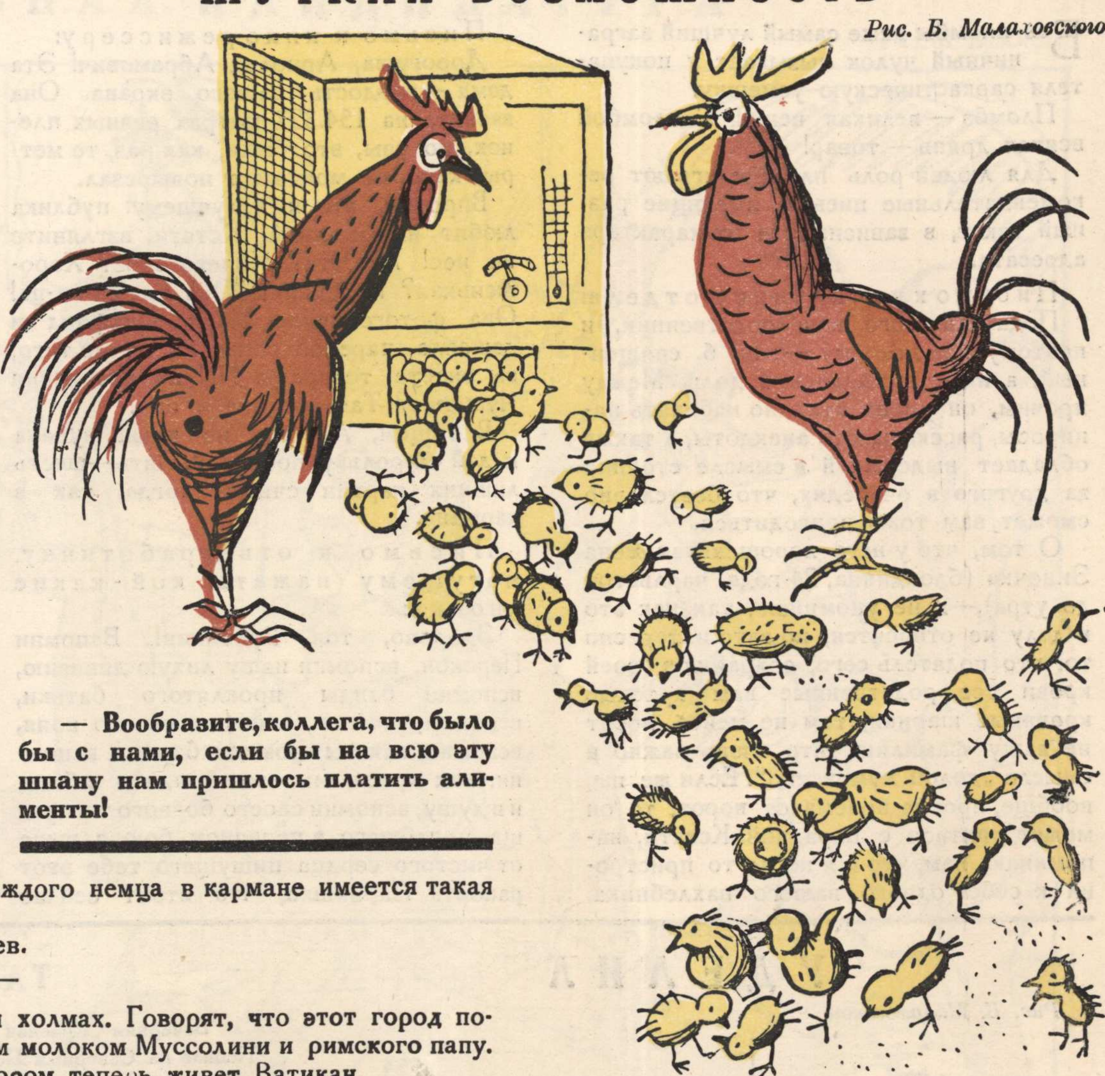
Город очень образованный: на каждом месте выходят газеты и журналы. Также исподнее белье: очень у них хорошее. И рубаха и, — извините, — кальсоны с кружевами. Вместе сшиты и называется это „комбине". Купил себе две пары. Культура!

А искусства у них совсем нет, не видал. И музеев нет: тоже не видал.

Прочел с благоговением О. Л. Д'Ор

ЖУТКАЯ ВОЗМОЖНОСТЬ

Рис. Б. Малаховского

— Вообразите, коллега, что было бы с нами, если бы на всю эту шпану нам пришлось платить алименты!

ЛСПО организует массовое производство цыплят: закуплен американский инкубатор, в который заложено 7.000 яиц.

ВЕСНА ПОРТФЕЛЕНОСНАЯ

В уединенной части сквера
Сидели нежно и влюбленно —
Портфеленосная Венера
С портфеленосным Аполлоном!..

Над ними — птицы жарят хором,
Над ними — небо голубое,
А в них самих—любовный кворум
И все там прочее такое!

И было все ужасно мило —
В тонах нежнейшей акварели...
И пахло лотосами Нила
От крокодиловых портфелей!..

И кровь им бросилась в макушки!
И — в обоюдном интересе —
Их губы ринулись друг к дружке!..
Как, вдруг, часы пробили „10".

И, оборвав свое свиданье,
Они помчались полным ходом
На деловое заседанье —

Местной комиссии
По прорабатыванию
Актуального матерьяла
По вопросу о
Физиологии любви.

Н. Агнивцев

РЕКОМЕНДАТЕЛЬНЫЕ ПИСЬМА

Без пломбы даже самый лучший заграничный чулок вызывает у покупателя саркастическую усмешку.

Пломба — великая вещь! С пломбой всякая дрянь — товар!

Для людей роль пломбы играют рекомендательные письма, имеющие разный текст, в зависимости от характера адресата.

Письмо к начальнику отдела:

Податель сего ваш родственник, и поэтому помочь ему — ваш б. священный, а ныне гражданский долг. Между прочим, он умеет отлично набивать папиросы, рассказывать анекдоты, а также обладает выдержкой в смысле стояния за другого в очередях, что безусловно сможет вам тоже пригодиться.

О том, что у него хорошенькая жена Зиночка (блондинка, 24 года, чарльстон до утра),—я не упоминаю, так как это к делу не относится, но зато интересно то, что податель сего, сохраняя в своей крови все родственные вам красные кровяные шарики, тем не менее носит не вашу фамилию, что очень важно в смысле „долой кумовство". Если же вы, вообще, против приема от ворот, то он может явиться с парадной. Кстати, напоминаю вам, что и я когда-то пристроил к себе одного вашего нахлебника.

Письмо к кино-режиссеру:

Дорогуша, Арнольд Абрамович! Эта дама — гордость нашего экрана. Она заснята на 154.327 метрах разных пленок, но увы, это были, как раз, те метры, которые монтажер повырезал.

Впрочем, это и к лучшему: публика любит новые лица! Кстати, взгляните на нее! А? Что? Ничего себе? Хорошенькая? Красивая? Она кра-са-ви-ца! Она фотогеничнее Мэри Пикфорд и дешевле пареной репы. И, кроме того, вы знаете товарища NN из правления Чушкино? Так вот она и он ..

В общем, Арошка, не валяй дурака и дай ей рольку поскорей. Пять—шесть лишних картин считай тогда, как в кармане.

Письмо к ответработнику, могущему нажать кой-какие кнопки:

Здорово, тов. Вуколкин! Вспомни Перекоп, вспомни нашу лихую дивизию, вспомни банды проклятого батьки, вспомни тачанки, вспомни своего коня, вспомни, как мы громили барона, вспомни, как крыли мы его — гада и в бога, и в душу, вспомни своего боевого товарища, погибшего в неравном бою, а ныне от чистого сердца пишущего тебе этот рапорт. Парнишка, что стоит сейчас перед действительным артиллерийским огнем твоих глаз, мой племянник по семейной бригаде. Не рубай его отчаянной своей саблей, а дай ему, какую можешь, рекомендацию. Твой (подпись неразборчива).

Письмо к хозяину большого лабаза.

Здравствуй, друг ситный, Сидор Палыч! А вот я к тебе человечка одного посылаю. Никаких союзов, окромя законного союза с супругой, он не признает и, вообще, понятия не имеет о всяких вредителях твоего дела, как-то об инспекторах труда и других противоестественных потребностях нашего времени.

Опять же он свое честное имя под любой твой счет поставить может. А касаемо прозодежды, скажем, так он вполне соответствует твоей идеологии (уж прости за словцо-то). Устрой его, христом богом прошу, и не забудет тебя святая церковь, ибо сказано: „Потерпи на мне и Аз воздам тебе." (От Матфея 18).

А, ежели не возьмешь его к себе,— сукин ты сын Сидор Палыч, я, брат, тогда про твою проделку с мукой коймкому напишу.

М. Коварский

УДЕЛИЛ

Рис. Б. Малаховского

В редакциях газет и журналов недостаточно уделяется внимания материалу, полученному от рабкоров.

РАБОЧИЙ: — Почему вы так мало места отводите рабкоровским корреспонденциям?

РЕДАКТОР: — Мало места? Помилуйте, у нас целый этаж ими завален!

ТАРАКАНЫ В ТЕСТЕ

Вечерняя „Красная Газета", захлебываясь, сообщает в № 116 о полете Нобиле на Северный Полюс:

На „Италии" полетят, кроме Нобиле, еще 17 человек. Среди них 7 морских офицеров, 2 инженера, 2 радио-телеграфиста, 3 метеоролога, 4 моториста, 1 механик и 2 журналиста.

Мы подсчитали $7+2+2+3+4+1+2$ и получили сумму 21.

Каким образом из приведенных слагаемых получилась сумма 17 — это секрет „Красной Газеты".

За такую заметку о полете Нобиле „Красной Газете" следовало бы выдать — Нобилевскую премию..

★

Много писалось и говорилось о хорошем отношении к лошадям.

И. Лаптейков (журнал „Жернов", № 4) пишет, наоборот, о хорошем отношении лошади к поэту:

В дни былой
Жестокой перепалки
Я ушел от старенькой сохи...
А сегодня—
На березе галки
Слушали,
Как я читал Гнедку стихи.

Слушал он
Весьма, весьма внимательно.
И ничуть не фыркнул старикан.
— „И-го-го!.. ты пишешь занимательно,
А особо там,
Где про соху
И про бурьян."

Мы с лошадью не согласны: И. Лаптейков пишет не особенно занимательно.

Недаром говорится:

— Врет, как лошадь!

★

В № 84 „Вечерней Москвы" тов. Новицкий, между прочим, так отзывается о работе театра МГСПС:

Молодая литература должна была пройти стадию наивного бытовизма и жанрового натурализма. Этот примитивизм надо было пережить. И театр МГСПС должен был перебороть провинциальным театральным реализмом, наивным художественным эклектизмом. Но театр не остановился на месте, не погряз в болоте провинциализма и культурного хвостизма.

Какой переборщизм в измах!

Не место новицкизму в газетизме!

Настало время приступизма к искоренизму иностранизма в русском языкизме!..

СИЛЬНАЯ КАНДИДАТУРА

Рис. Б. Ефимова

Перевыборы в японском парламенте по всем признакам будут настолько бурными, что не обойдется без рукопашной.

— Как кому — не знаю, а мне легко пройти в парламент!

ОБИДА

Так ему и сказали:

— Ваша пьеса идеологически неприемлема. Нет в ней правильного мировоззрения.

Автор пьесы Корнеплодов, молча, положил в карман, сразу потерявшую всякую ценность, пьесу и, тяжело вздохнув, вышел из кабинета. Куда?

И в таких случаях фельетонисты обычно пишут:

— С горя он отправился в пивную...

Мой герой поступил по приведенному. И выпив пива в количестве, превышающем самый обильный поток слез, Корнеплодов в пьяном и злом настроении вернулся домой.

Но Корнеплодов был одинок, и ему не на ком было излить свою злобу. Неудивительно поэтому, что, заметив висевшие на стене портреты классиков, Корнеплодов хитро прищурил глаз и дико прогремел:

— Грррражданин Пушкин! А у вас идеология в порядке? Ась? Молчите? Ну, ладно, я тогда за вас скажу. На каком основании у вас происходит дуэль между Онегиным и Ленским? Из-за бабы! А разве таким методом принято у нас разрешать вопросы, входящие в компетенцию Загса? Поступок Онегина, гр-н Пушкин, есть ничто иное, как убийство из низменных побуждений: 8 лет со строгой! Вот что вы предлагаете рабочему зрителю. Или „Пиковая дама“, скажем. Герман с наганом врывается в спальню старухи с тем, чтобы выпытать у нее подозрительные шулерские приемы. Это по-вашему идеология? Нет-с! Это грабеж с убийством, по прейскуранту губсуда десять годков! Так-то-с! Нет уж, проходите мимо, гр. Пушкин. Мещанством попахиваете, голубчик!

— Теперь вы, гр-н Гоголь! Чем вы гордитесь? Ревизором? А ну-ка разберем это беспомощное в смысле мировоззрения произведение: в мелко-буржуазное болото бюрократов и взяточников попадает аферист, работающий под РКИ. И этому аферисту удается об'егорить всех обитателей болота и спокойно убраться во-свояси. Тэк-с! Похихикали и баста. А дальше? Разве рабочий зритель, видавший все козни врагов строительства, не в праве требовать продолжения пьесы, т.-е. суда над всеми этими казнокрадами? Не подумали вы об этом, гр-н Гоголь! Хлестаковскую эротику с городничихой показали, а о показательном процессе — умолчали. Попустительством занимаетесь! Выходите-же из строя за бездействие власти. Нам такие — не нужны.

— Эй, гр-н Лермонтов! Мне не хочется повторяться, но, право, и вы идеологически хромаете в своем „Маскараде“. Арбенин отравляет жену, заподозрив ее в измене. Хорошенький сюжетец, чорт возьми! У нас устраиваются диспуты о ревности, доказывается вся ее бессмыслица, а вы, раз-раз, и поскакали по линии наименьшего сопротивления. Неужели же вы не могли раз'единить Арбенина и Нину иным способом? Ну, алиментами, допустим, или поездкой на курорт для лечения арбенинской неврастении? А вы — травить. Не-ет! В пинкертоновщине не нуждаемся. И по литеру „Б“ даже не пройдете!

Долго ругал еще Корнеплодов классиков.

* * *

И только под утро, когда его усталый взор наткнулся на последний портрет — портрет Шекспира, Корнеплодов разбитый и изнемогший, промычал:

— Ну, а с вами, английскими империалистами, я, вообще, говорить не желаю! У вас свои требования идеологии. Катитесь к себе на родину!

И. Матвеев

ГОТОВИТСЯ СПЕЦИАЛЬНЫЙ НОМЕР

„СМЕХАЧА“

ПУТЕШЕСТВУЮЩИЕ и ПЛАВАЮЩИЕ

ИЗ КРИТИЧЕСКОЙ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ

БЕЗ ВСЯКОЙ ВОЛОКИТЫ

На утреннем докладе заведующий, после того как подписал 20 бумажек, спросил у секретаря:

— Что новенького?

— Да так, ничего особенного, Василий Степанович, — ответил секретарь, — только в связи с самокритикой надо было бы принять какие-нибудь меры, а то уже во многих учреждениях, насколько мне удалось узнать, еще с 20 мая введена самокритика, а мы немножко запоздали.

— Хорошо, что напомнили,— сказал заведующий.— Очень хорошо. С самокритикой, действительно, надо поспешить. Вот что. Согласуйте этот вопрос с начальником канцелярии. Выработайте совместно соответствующий циркулярчик и разошлите по всем периферииям.

И, подумав немного, заведующий продолжал:

— В циркуляре вы укажите о необходимости приступить на местах к самокритике. И не забудьте им написать, голубчик, что подробная инструкция на сей предмет будет выслана добавочно, после увязки этого вопроса со специальной комиссией. Вот и все.

— А как, тов. заведующий, сначала написать проект, или прямо уж писать циркуляр? — спросил секретарь.

— Конечно, прямо, зачем лишнюю волокиту разводить? К завтрему мне представите, я и подпишу.

— Слушаю-с.

НЕУСТРАШИМЫЙ

Я случайно зашел на общее собрание сотрудников энского учреждения. Я стоял сзади и слушал. Молодой светлокудрый человек говорил горячо, искренне и убежденно.

Он говорил о недопустимости кумовства в ихнем учреждении, о том, что заведующий „закомиссарился и его надо одернуть“.

Он говорил час с лишним — и раскритиковал безжалостно все начальство энского учреждения.

После собрания, когда я уходил совместно с сотрудниками этого учреждения, я громко выражал свой восторг:

— Побольше бы таких! Как режет! И никого не боится! Молодчага!

— Кого же ему бояться, — ответил мне мрачно один из сотрудников, — когда он родной брат заведующего и к тому же наш председатель месткома.

ПОДСЛУШАННЫЙ РАЗГОВОР

Два администратора, возвращаясь со службы, разговорились:

— Вот говорят „самокритика, самокритика“!..

Да разве я против. Наоборот, всей душой — критикуй меня, пожалуйста. Но, ведь, некому — людей нет. Я моим служащим и так, и эдак, и с лаской и с нажимом просил — критикуйте. А они, подлецы, ни гу-гу — молчат. Что с ними будешь делать? А потом отдувайся за них.

— Точь в точь у меня такая же история, — сказал второй администратор.— Ума не приложу, как развязать языки своим сотрудникам... Вчера говорил с Парфеном Семеновичем — у них такая же история на „Светлампе“. Парфен Семенович даже высказал мысль, что он думает ввести штатную единицу — самокритика. Вот подожду, как у них этот опыт пройдет и сделаю то же самое.

— Вводить штатной единицы — ни в коем случае не советую. Представьте себе, самокритика отменена, что вы будете делать с этой единицей? Лишние расходы и только... Но я думаю, что в корне мысль Парфена Семеновича правильна, только такого самокритика не зачислить в штат, а пригласить поденно... откритиковал и катись...

— Совершенно с вами согласен, — сказал 2 администратор— надо будет попробовать.

И администраторы разошлись в разные стороны.

Азот

КИТАЙСКАЯ АВИАЦИЯ

Французский авиатор Фронваль установил новый мировой рекорд, сделал втечение 296 минут 1.111 петель.

Рис. Б. Малаховского

— А все таки наш гоминдан побил французский рекорд по количеству петель!

ОЧЕРЕДНОЙ ПРИСЫЛ

На очередную „Смехачину“ ответы пришли обстоятельные, продуманные и преимущественно в порядке самокритики. Рядовой читатель, которому негде развернуться по части самокритики, хочет отыграться на „Смехачине“.

Катя Р. из Таганрога на вопрос: **„Почему у зайцев нет фамилий?“** отвечает довольно резонно:

— У железнодорожных зайцев иногда даже две фамилии: одна настоящая, а другая — на чужом льготном билете.

„Почему управдома никогда нет дома?“ На это Мих. С. из Орла приводит следующее соображение:

— Если управдом прокрался, так его безошибочно можно застать в одном из домов. Предварительного заключения, конечно.

Вопрос: **„Что будет делать подхалим, если некому будет льстить?“** вызвал много ответов и, преимущественно, пословицами. Лучшая из них:

— Был бы головотяп, а подхалимы найдутся.

Вопрос: **„Все ли терпит бумага?“** вызывает такой ответ пензенца Д. Р.:

— Решительно все, даже некоторые ответы на „Смехачину“.

Вопрос: **„Куда можно войти без доклада?“** поставил многих в тупик, но самарец Андр. П — в нашелся и пишет:

— В историю.

„Кто не без греха?“ — этот вопрос поднял целый фонтан самокритических обличений. Единственным безгрешным человеком оказался зав некоего Р. П. из Сызрани, который

— Даже при отмене рукопожатий подает подчиненным руку.

Пишите, посылайте свои ответы, товарищи-читатели! Фамилии награжденных будут об'явлены особо.

СМЕХАЧИНА № 9

1. Почему спрятался месяц за тучку?
2. Кто сам себе враг?
3. У кого руки коротки?

Фамилии авторов премированных ответов и наиболее остроумные ответы будут опубликованы.

40 ЧЕЛОВЕК И 8 ЛОШАДЕЙ

ВЕЛИКИЙ ПОСТНИК

Крестьянка села Погулино (Томского округа) рассказывает:

Наш отец Николай на пасхе, обнажив себя неприст йно, гонялся по деревне за женщинами, пока не запутался в рыболовных снастях, расставленных рыбаками для просушки.

„Прибежали в избу дети,
Не видать на них лица:
— Притащили наши сети
Благочинного отца!
Безобразный поп, ужасный...“

У Пушкина не совсем так... Мы, конечно, ошибаемся. Зато суд не ошибется!..

ШПИЛЬКОЙ В ГЛАЗ

Рабкор „Тихоокеанской Звезды“ сообщает

В кабинете помощника начальника отдела эксплоатации правления Уссурийской железной дороги тов. Сметаниным вызываются женщины для разговоров „внеслужебного порядка“.

Там они теряют шпильки.

Очевидно, в шпильках „Смехача“ тов. Сметанин не нуждается. Его шпильками не удивишь. Навоз шпильками не убирают: тут вилы нужны!

СИБИРСКИЕ ПУПКИ

Максим Горький в последней своей статье утверждает, что многие наши поэты попросту неграмотны.

Сибирский союз писателей пытается опровергнуть утверждение Алексея Максимовича, выпустив книгу стихов какого-то Михаила Мечика, который пишет так:

Иногда, там, где желтый ров,
Зарезанные трупы (!) виднеются...

Или в стихах, посвященных „Шуре“, докладывает:

Уста сгорали, ломались зубы
И бушевала в теле страсть...
К твоим ногам хотелось грубо (?)
О стенку лоб разбив, — упасть.

Вот, уж в самом деле,—заставь дурака стихи писать, он и лоб расшибет!

Другой поэт, Павел Далецкий, уверяет, что

Отдых наш только там,
Где напряжен пуп (!!!)
Мне и тебе и звездам...

Сибирские поэты! Не прыгайте выше своего поэтического пупа,— того самого, в котором весь ваш мозг уместился!

ЗАМЕНА НЕОБХОДИМА

Редакция „Правды“ направила в „Смехач“ сообщение рабкора „Лампочки“:

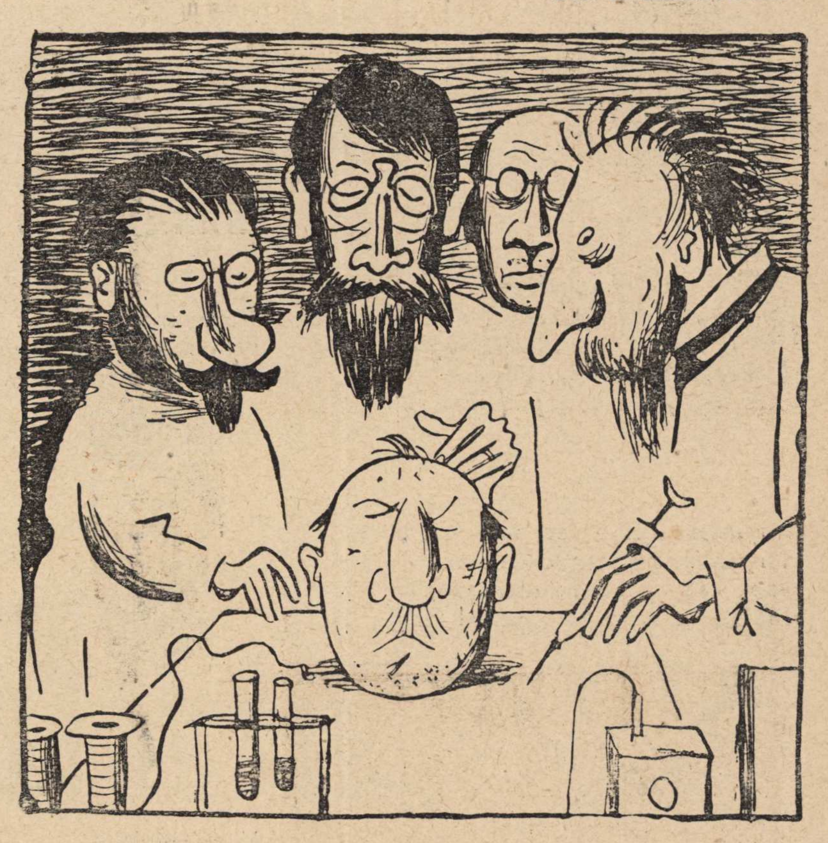
Общее собрание агро-уплотненного поселка, по предложению председателя правления, в видах достижения должного правопорядка, вынесло постановление, по которому всякий ослушник законных распоряжений председателя штрафуется — два рубля.

С заменой тюремным заключением?

Или.. с заменой председателя правления?

РЕДКОЕ ПОСТОЯНСТВО

Рис. Б. Малаховского

Учены производя опыты оживлени отрезанно головы.

— **Ну, как? Живет?**
— **Нет. Никаких признаков.**
— **Ничего удивительного: это же голова бюрократа. Когда она на плечах была—тоже не действовала!**

РАБКОРЫ! СМЕХКОРЫ!

ШЛИТЕ МАТЕРИАЛ НЕПОСРЕДСТВЕННО В АДРЕС „СМЕХАЧА“.

ОБЛИЧАЙТЕ БЮРОКРАТОВ, ГОЛОВОТЯПОВ, МАЗУРИКОВ, ЛАКИРОВАННЫХ НАХАЛОВ, САМОЗВАНЦЕВ, ЛЖЕСПЕЦОВ — ВСЕХ КОНКРЕТНЫХ НОСИТЕЛЕЙ ЗЛА!

„СМЕХАЧ“, НЕ ВЗИРАЯ НА ЛИЦА, ВЗГРЕЕТ ИХ, ПОДТЯНЕТ, РАСПЕЧЕТ И ПРОКАТИТ.

КАЖДАЯ СТРАНИЦА „СМЕХАЧА“ — ТРИБУНА ДЛЯ САМОКРИТИКИ.

ЧИТАТЕЛИ, РАБКОРЫ, СМЕХКОРЫ! ВЫ ХОЗЯЕВА ЭТОЙ ТРИБУНЫ!

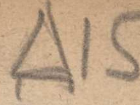
МЫ ВАС СЛУШАЕМ! НАЧИНАЙТЕ!..

ВСЕ ДОКУМЕНТЫ, ФАКТЫ, РАЗОБЛАЧЕНИЯ НАПРАВЛЯЙТЕ НЕПОСРЕДСТВЕННО В РЕДАКЦИЮ „СМЕХАЧА“, ТВЕРСКАЯ, 28, МОСКВА, С УКАЗАНИЕМ НА КОНВЕРТЕ:

„ОТДЕЛ ТРИБУНА“.

Издатель—„ГУДОК“. Адрес редакции: Москва, Тверская, 28. Отв. редактор — И. Н. Пирогов.

Главлит № А—13.669. Отп. в 7-й типографии „Искра Революции“ Мосполиграфа, Москва, Арбат, Филипповский пер., 13. Тираж 110.000.

ИЗВИНИТЕ, НО Я ПРО ЛЮБОВЬ!

> В Уг. Кодекс введена новая статья, карающая так называемые „однодневные“ браки.

1.

Великолепный Жорж Пингпонгов,
В ожесточеннейшей борьбе,
С энергией боа из Конго —
Влез на трамвай маршрута „Б“.

2.

В трамвае было все, как надо!
И граждане качались в мах,
Вися, как гроздья винограда,
На тихо-стонущих ремнях!

3.

Толчок!
И некая гражданка,
Висевшая тут спозаранку
По высшей воле МКХ,
Его давнула с мощью танка
И гневно молвила: — „Нахал!“

4.

Пингпонгов, внутренне ругаясь,
Сказал учтиво: — „Извиняюсь!“,
Взглянул сердито на гражданку
И — вывернулся наизнанку!
Была гражданочка та — в роде
Открытки в рамке — на комоде!
И юбка, по последней моде,
Была у ней — чуть ниже бедер!..

5.

От Альпухары до Петровки
В любви нет правил, мер и такс!

И вот на первой остановке
Они бегут, обнявшись, в Загс!

6.

Кондуктор был в тот миг сурово
Обложен речью ломового,
Застрявшего на рельсах! И,

Пока герой не сдал позиций,
Они успели возвратиться
И ухватиться за ремни!

7.

Нежны, как греческие фрески,
Неслись они в трамвайном треске

Навстречу радостной судьбе!
— Не описать мне с должным блеском
Всю прелесть свадебной поездки
На фантастичной букве „Б“.

8.

Она и он, что только мочи,
Мечтали, нежно щуря очи,
О жизни будущей своей...
И вдруг, качнувшись, как тростинка,

Он наступил ей на ботинки —
Ценою в 35 рублей!

9.

И одновременно Пингпонгов
Услышал медный грохот гонга,
Гудящий с правой стороны!
И осознал на правом ухе
Немую скорбь от оплеухи
Своей возлюбленной жены!

10.

От Альпухары до Петровки
В любви нет правил, мер и такс!
И вот на первой остановке
Они бегут, ругаясь, в Загс!

11.

Кондуктор был в тот миг рутинно
Обложен речью гражданина,
Не предназначенной для дев!
Пока его лишали слова,

Они в трамвай вернулись снова, —
Навек раззагситься успев!

12.

И, продолжая в траме этом
Свой предыдущий путь земной,
Она — сошла у Оперетты,
А он... он — спрыгнул у пивной!

13.

И в этот миг, кивнув слегка,
Друг-другу молвили: — „Пока!“

Н. Агнивцев